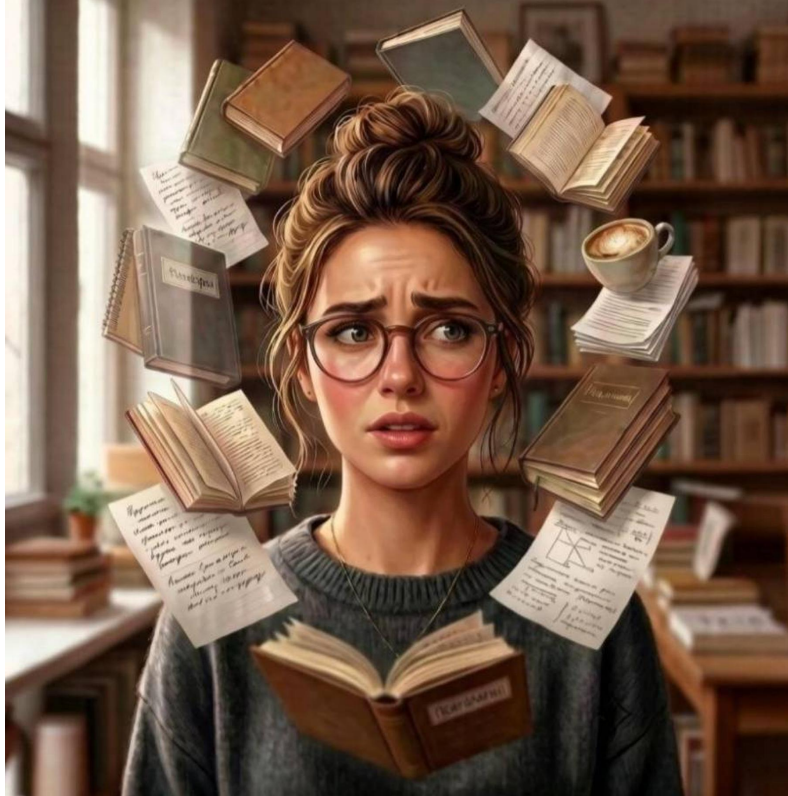

Алиса Левицкая
ЭЛЛА ВСЕМОГУЩАЯ
(на самом деле нет)

ХРОНИКИ ОДНОГО ИНТРОВЕРТА

Алиса Левицкая Элла Всемогущая(на самом деле нет)Хроники одного интроверта

<https://litres.ru/74441892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элла Вершинина — успешный редактор-фрилансер с хорошим доходом. Но стоит ей закрыть ноутбук и столкнуться с реальным миром, как она мгновенно пасует. Её главный враг — элементарная трусость перед конфликтом. Она панически боится наглых людей, чужого напора и косых взглядов. Ей проще переплатить, промолчать или спрятаться, лишь бы не показаться «невежливой».

Но однажды Элла решает, что с неё хватит. Без глупого пафоса и безбашенных подвигов она начинает занудно и методично отвоёвывать свои границы. Вооружившись трезвым расчётом и фирменной «тактикой броненосца», она штурмует панику в час пик, выдерживает прессинг мамы, ставит на место работодателя и хитрого продавца машин. Это честная и уморительно смешная история о том, как победить рабский страх и обрести внутри себя настоящий, заслуженный покой.

Алиса Левицкая Элла Всемогущая(на самом деле нет)Хроники одного интроверта

“Элла Всемогущая (на самом деле нет)”

Хроники одного интроверта

Глава 1.

Восьмой уровень страха

Элла не была сумасшедшей, как могло показаться. У неё был красный диплом журфака — парадоксальный памятник её упрямому занудству. Профессия предполагала кипучую активность экстраверта и умение лезть напролом, но Элла Вершинина умудрилась закончить университет, оставаясь чистокровным интровертом. Практику «в полях» она вспоминала с содроганием, а потому при первой же возможности технично сбежала на удалённый фриланс — туда, где можно было работать со словом, полностью забаррикадировавшись от людей экраном ноутбука. Ей было двадцать восемь лет, у неё был острый ум, безупречный вкус и целая полка книг по

психологии, но её реальный мир постепенно сжался до размеров квартиры на восьмом этаже.

Элла знала о своих травмах всё. Она могла часами, используя красивые термины вроде «прокрастинация», «синдром самозванца» и «социальная тревожность», объяснять, почему она уже восемь месяцев не может заставить себя выйти на нормальную работу, почему у неё нет друзей и почему она панически боится людей.

Все эти горы психологической литературы оказались абсолютным, пустым звуком. Теория не спасала. Она лишь давала её лени и страху красивую, научную маскировку. На улицу она выходила редко, но если выходила — это был триумф высокой моды. Никто в булочной не должен был догадаться, что эта холодная красавица боится осуждения и самой жизни. Элла никогда не позволяла себе быть неидеальной. Даже если нужно было просто донести пакет с мусором до бака во дворе, она устраивала из этого священнодействие. На ней всегда был выглаженный тренч, безупречные стрелки, аромат селективного парфюма и лицо загадочной парижанки, которая случайно оказалась в спальном районе. Этот фасад был её щитом. Если ты выглядишь как королева, никто не посмеет заметить, насколько сильно ты робеешь перед этим миром и людьми в нем.

Элла была умна. Она страдала от классического «горя от ума»: её мощный интеллект вместо того, чтобы помогать, без остановки генерировал сомнения и превращал простейшие

бытовые задачи в неразрешимые психологические тупики. Пока другие просто жили, она анализировала, рефлексировала и выстраивала логические цепочки. Она могла написать диссертацию о том, почему её нежелание выходить из зоны комфорта — это осознанный выбор интроверта в эпоху метамодерна. Но правда была глубже и горше: за этим фасадом скрывался жесткий, парализующий перфекционизм ранимой и закомплексованной девушки, которой к тому же было невыносимо лень напрягаться. Её хитрый мозг идеально соединил эти два качества: из-за глубинного страха сделать что-то не идеально или показаться миру смешной, он просто включал жирную, вязкую лень как безопасную анестезию. Он бережно укутывал ее извечный страх оценки в уютное нежелание шевелиться, шепча: «Лежи, тебе просто неохота, зато там тебя никто не ранит».

В тот день она столкнулась у супермаркета с Маринкой Соколовой. Маринка в школе путала Гоголя с Гегелем, но сейчас от неё веяло бешеной, первобытной энергией. Она только что вернулась из какого-то дикого похода, её дорогая куртка была в пятнах от кострового дыма, на щеке красовался след от обветривания, а волосы были завязаны в небрежный узел. Но Маринка сияла. Она смеялась в полный голос, жестикулировала, рассказывала, как они застряли в палатке из-за лавины, и это было чертовски весело. Она была настоящей, живой и не боявшейся быть нелепой.

Элла посмотрела на своё идеальное отражение в витрине

магазина. Стрелки были симметричны до миллиметра. Костюм сидел как влитой. Но внутри неё была пустота. Вся её жизнь была похожа на музей, где экспонаты покрылись пылью под стеклом. Маринка штурмовала вершины, а Элла штурмовала только новые доставки еды.

Дома, когда в ленте новостей Элла увидела заметку про мужчину, который на двенадцатом этаже высоты перелез через ограждение и чудом спас своего попугая, балансируя над бездной, мозаика сложилась. «Этот идиот рисковал жизнью на бешеной высоте, потому что спасал птицу! Он действовал! Маринка лезла в гору грязная и счастливая! А я... я сижу в своей безупречной гробнице и боюсь даже помыть окна, потому что у меня закружится голова!

Люди живут! Ошибаются, совершают глупости! А я прикрываю свою жирную лень выдуманным страхом высоты? "

Спортивная злость вспыхнула мгновенно. Взять быка за рога. Прямо сейчас. Без подготовки.

В Элле проснулась глубокая, экзистенциальная злость на саму себя. Радикальный метод потребовал радикальных мер.

Элла вскочила. Ноги слегка подогнулись от резкого движения. Она рванула в ванную, набрала ведро воды, схватила старую тряпку и флакон термоядерного нашатырного спрея.

Она подошла к окну и с грохотом распахнула створку. В лицо ударил рев проспекта и резкий порыв ветра. Высота восьмого этажа навалилась на неё всей своей физической тяжестью. Внизу, бесконечно далеко, копошились крошечные

машинки. Земля качнулась. Сердце Эллы совершило кульбит и застряло где-то в районе миндалин, а колени мгновенно превратились в мягкое желе. Страх заверещал: «Закрой! Назад! Мы падаем!».

— Заткнись, — прошипела Элла своему мозгу.

Она с грохотом притащила из кухни тяжелый деревянный стул, залезла на него и, чувствуя, как предательски задрожали колени, потянулась с тряпкой к самому верху открытого окна.

Пальцы левой руки мертвой хваткой вцепились в пластиковую раму — костяшки побелели до хруста. Стоя над бездной, на восьмом этаже, без всяких решеток, Элла занесла правую руку с тряпкой и сделала первый яростный мазок по стеклу.

Запах нашатыря ударил в нос, вытрезвляя сознание. Она терла стекло как сумасшедшая. С каждым движением, смывающим грязь трехлетней давности, в квартиру врвался настоящий, ослепительно яркий свет. Ветер трепал её волосы, брызги воды летели в лицо, но Элла вдруг поймала себя на том, что... улыбается. Страх никуда не делся, но сквозь него пробилось колоссальное, дикое удовольствие. Она побеждала. Не драконов в компьютерной игре, а реальную высоту и собственную немощь.

Через сорок минут она буквально ввалилась обратно в комнату, тяжело дыша, и захлопнула створку. Руки гудели от непривычной работы, а плечи ныли, но комната сияла. Солн-

це заливало пол настоящим, золотым светом.

Элла посмотрела на свои грязные руки, потом на сияющее окно и дико расхохоталась. Иллюзия страха лопнула. Оказалось, это было совсем не страшно.

Стоя на кухонном табурете посреди разгромленной гостиной, Элла ощущала себя как минимум на вершине Эвереста, водрузившей флаг над поверженной бездной.

Она стояла посреди комнаты, чувствуя себя абсолютным победителем.

Глава 2.

Операция «Абсолютная нелепость»

Утром Элла проснулась, и от вчерашней эйфории не осталось и следа. Солнце, конечно, всюду светило сквозь чистое стекло, но диван манил с прежней силой, а в голове снова заворочалась привычная лень. Элла поняла важную вещь: один вымытый подоконник не сделал её свободной. Стоит расслабиться — и страхи сожрут её обратно. Ей нужна была новая встряска, но она понятия не имела, что делать дальше. В поисках ответа она обвела комнату тоскливым взглядом. Глаза зацепились за книжный шкаф, и Элла вспомнила биографию одного эксцентричного французского писателя-авангардиста. Тот панически боялся осуждения, пока однажды не устроил радикальный эксперимент: пришел на пафосный прием в измятом домашнем халате и разных туфлях,

но нес себя как император. Он назвал это «актом тотального освобождения от диктатуры чужого взгляда». В голове Эллы словно щелкнул тумблер. Вот он, план собственного освобождения! «Мой самый большой страх — показаться людям нелепой и неидеальной, — подумала она, и на её губах появилась дерзкая улыбка. — Значит, пора выходить на территорию врага и бить именно туда!» Идея мгновенно превратилась в спецоперацию. Элла решительно подошла к шкафу, где ровными рядами висели её безупречные костюмы и платья и принялась нарушать все свои священные правила стиля.

Вместо того чтобы составить идеальный, выверенный до мелочей образ, она намеренно соединила несочетаемое. Из самых дальних глубин были извлечены старые, растянутые на коленях серые спортивные штаны, которые она натянула вместе с роскошным шелковым топом от Gucci. Контраст получился душераздирающим.

Вместо причёски она взбила волосы руками, превратив их в стопроцентное воронье гнездо, а помаду на губах намеренно размазала пальцем, словно только что съела жирный чебурек. В довершение этого абсурда она натянула разные кроссовки: на левую ногу — белоснежный и сияющий, из новой коллекции, а на правую — стоптанный старый кед с бахромой из ниток вместо шнурка.

Внутри всё сжималось от первобытной робости, но Элла упрямо подняла подбородок, приняв свой самый гордый вид, и шагнула за порог.

Пора было нанести визит в самый пафосный бутик модной одежды в городе — “Гранд-пассаж”. Именно туда, в это святилище глянца и высокомерия, Элла решила отправиться в виде абсолютной, первосортной лохудры.

Каждые сто метров до «Гранд-Пассажа» казались Элле километрами. Внутри неё, за этой гордо поднятой головой с вороньим гнездом, сидел испуганный, съежившийся до размеров наперстка ребенок. Прохожие оборачивались. Элла физически кожей чувствовала эти взгляды — они казались ей липкими, колющими, осуждающими. Ей хотелось провалиться сквозь землю, развернуться и бежать назад, к своему спасительному дивану. Мозг сиреной выл в голове: «Посмотри на себя! Ты позорище! Все смеются над тобой!». Но она упрямо продолжала свое шествие, мысленно умоляя колени не подкашиваться от страха. Она держалась за свою злость на собственную нерешительность, как за спасательный трос.

И вот — огромные, сияющие чистотой стеклянные двери бутика. За ними, в кондиционированной прохладе, как экспонаты в музее, стояли манекены в вещах стоимостью в бюджет небольшого островного государства. У дверей замер двухметровый охранник в безупречном костюме.

Элла остановилась. Её рука, державшая дорогую сумку,

мелко дрожала. На лбу выступил холодный пот. Это была точка невозврата. Переступить этот порог неряхой — означало добровольно пойти на казнь своего эго. Внутри всё сжалось от первобытной робости.

«Пять, четыре, три, два, один», — беззвучно скомандовала она себе.

Элла сделала шаг. Двери с тихим шипением разъехались в стороны. Она переступила порог. Мягкий, дорогой ковер поглотил звук её шагов — глухой стук нового кроссовка, тихое шарканье старого кеда. Аромат селективного парфюма и выделанной кожи ударил в нос. Две стильные девушки-консультанты у кассы синхронно повернули головы в её сторону. Двухметровый охранник у дверей медленно повернулся всем корпусом. Элла замерла посреди зала со своей брендовой сумкой под мышкой, взъерошенными волосами и размазанной помадой. Они не стали кричать или вызывать охрану. Она сделала еще несколько шагов вглубь зала, и тут за её спиной раздался едва слышный, приглушенный смешок. Девушки у кассы наклонились друг к другу, о чём-то зашептавшись. В ушах у Эллы зазвенело. Краска мгновенно залила лицо. Худший кошмар её жизни материализовался: над ней откровенно смеялись за спиной. Ей хотелось раствориться в воздухе, бросить всё и выбежать вон. Но именно в эту секунду внутри неё словно лопнул натянутый трос. Страх, доведенный до предела, просто перегорел. Элла вдруг поняла: позор уже произошел. Назад дороги нет, маска безусловно-

сти сорвана, а значит — терять больше нечего. На место робкой паники хлынула чистая, спасительная злость. «Раз уж я для вас фрик, — подумала она, — я побуду им подольше». Вместо того чтобы броситься к выходу, она упрямо продолжила свое шествие. С лицом английской герцогини, высоко подняв подбородок, Элла вальяжно прошла вдоль вешалок. Она демонстративно, не торопясь, изучила ткань шелкового блузона на манекене, обошла весь зал по периметру и окинула консультанток таким леденящим, уверенным взглядом, что те синхронно замолчали и потупились. Она перешагнула через свой страх чужой оценки. Постояв в зале еще минуту, Элла так же неторопливо развернулась и с чувством дикого, пугающего её саму куража вышла на улицу.

Наружный воздух обрушился на неё потоком тепла. В первые секунды Эллу действительно накрыло пьянящим чувством триумфа. Она сделала это!

Но эйфория после стресса оказалась хрупкой, как мыльный пузырь — мгновение, и от неё не осталось и следа. Элла пошла по центральной улице в сторону дома, и с каждым шагом волшебный туман рассеивался. Вокруг текли толпы обычных людей. И тут в её голове включился ОН. Режиссер её личных ужасов.

Ей казалось, что улица замерла, сотни глаз впились в её воронье гнездо на голове. Вот парень на самокате — Элла была уверена, что он притормозил, чтобы мысленно высмеять её серые треники. Вот две женщины у витрины — она

была готова поклясться, что они шепчутся именно о её размазанной помаде. Даже голубь на асфальте, казалось, смотрел на её разные кроссовки с осуждением.

Внутри поднялась такая волна ужаса и стыда, что дышать стало нечем. Кураж сдулся. Элла втянула голову в плечи и в полной панике бросилась бежать. Шлепая разными подошвами, она припустила во двор, мечтая поскорее скрыться за родной стальной дверью от этих «всевидящих» свидетелей её позора.

А в это время на улице...

Парень на самокате судорожно вспоминал, выключил ли он дома утюг. Две женщины у витрины спорили, стоит ли покупать эти туфли со скидкой. А подростку на перекрестке просто пришел мем в смешном паблике. На Эллу — взъерошенную, в разных кроссовках и топе от Gucci — вообще никто не обратил внимания. Мир был слишком занят собой. Но Элла об этом не знала. Она захлопнула за собой дверь квартиры, повернула замки на все обороты и сползла по стене на пол, тяжело дыша от пережитого «позора»...

Глава 3. Принц из пикселей

Элла сидела на полу, прислонившись спиной к входной двери, и слушала, как бешено колотится её сердце. Замки были заперты на все обороты. На полу валялись разные кроссовки, которые она сбросила с себя так стремительно, слов-

но они были заминированы.

Вчерашняя эйфория от вымытых окон окончательно утонула в сегодняшнем позорном побеге с улицы. Воспаленное воображение услужливо подкидывало мазохистские картинки: вот весь проспект обсуждает её воронье гнездо, вот весь город тычет в неё пальцем. И хотя где-то на задворках сознания Элла понимала, что проходим до неё не было никакого дела, её комплексы праздновали сокрушительную победу. Полноценного триумфа не получилось. Выходить наружу к живым людям прямо сейчас было выше её сил.

Но и возвращаться в режим «египетской мумии» под пледом она больше не хотела. Спортивная злость, разбуженная на кухонном стуле, всё еще требовала реванша.

— Ладно, — прошептала Элла, вытирая размазанную по щеке помаду. — Раз я пока не могу штурмовать их вживую, я зайду с тыла.

Умная голова тут же сконструировала гениальный обходной план: соцсети. Вот оно, идеальное пространство для закомплексованного интроверта! В интернете всё под твоим полным контролем. Никто не увидит твоих дрожащих рук, никто не заметит заикания. Можно выставить свою самую удачную фотографию (три четверти, мягкий свет, томный взгляд человека, только что дочитавшего Набокова), три часа шлифовать каждое слово в сообщении и казаться безупречной богиней.

Элла скачала приложение для знакомств, заполнила анке-

ту цитатами из классиков и приготовилась выбирать. Её целью было не просто банальное свидание, а личная проверка на прочность — очередная попытка переломить свои комплексы на новой, цифровой территории.

Среди сотен одинаковых профилей с полуобнаженными торсами и фотографиями на фоне чужих дорогих машин, её взгляд зацепился за Артура. Тридцать два года. Интеллигентное лицо, дорогой костюм, чашечка эспрессо на веранде. Подпись в анкете гласила: «Ищу глубокую, мыслящую личность для совместного созерцания закатов и интеллектуальных дискуссий. Ценю естественность».

Элла затаила дыхание. Вот он — её ментальный близнец! Человек, который не станет оценивать её по глупым уличным стандартам.

Они переписывались три дня. В чате Артур был безупречен: он сыпал тонкими метафорами, восхищался её слогом и наконец прислал сообщение, от которого у Эллы сладко засосало под ложечкой: «Элла, ты удивительная. Давай перенесем наше созерцание в реальность? Попьем кофе в "Панораме" завтра в семь?».

Закомплексованный ребенок внутри Эллы заверещал от ужаса, но отступать было поздно. Экран телефона больше не защищал её. Принц из пикселей звал её настоящую на настоящее свидание...

К шести вечера субботы комната Эллы напоминала склад гуманитарной помощи, переживший прямое попадание тор-

надо.

Её перфекционизм, разбуженный необходимостью явить себя реальному Артуру, за три часа превратил идеальный порядок в текстильный хаос. На кровати высилась гора из отвергнутых блузок, джинсов и юбок. На люстре сиротливо висел шелковый платок, а из-под кресла испуганно торчал рукав кашемирового свитера.

Обычный человек выбирает наряд по принципу «идет или не идет». Но ее сверханалитический ум решал уравнения с тридцатью неизвестными.

«Так, черное платье слишком мрачное — он решит, что у меня депрессия. Красный костюм чересчур агрессивный — подумает, что я навязываюсь. А бежевый джемпер... Боже, в бежевом я похожа на моль, атаковавшую библиотечный архив!» — паниковала она, швыряя на пол очередной свитер.

Каждая вещь казалась ей либо недостаточно идеальной для «ценителя Бродского», либо, наоборот, слишком откровенной. Комплексы нашептывали, что в трикотаже видны несуществующие лишние складки на талии, а в строгом пиджаке она выглядит как завуч сельской школы. Ей было невыносимо лень убирать весь этот кавардак, но панический страх провалиться на первом же свидании гнал её обратно к шкафу за новым вариантом.

В итоге, устав бороться с собственным гардеробом, Элла обессиленно села прямо на пол посреди этой трикотажной империи. На часах было 18:20. До встречи оставалось сорок

минут, а на ней всё еще были надеты только домашние шорты и футболка с надписью «Оставьте меня в покое».

— Горе от ума, — простионала она, закрывая лицо руками.
— Я три года пряталась от мира, а теперь добровольно иду сдавать экзамен какому-то пиксельному принцу.

Она посмотрела на кухонный стул, который всё еще стоял у вымытого окна. На чистое, сияющее стекло. Внутри снова, как искра, вспыхнула та самая упрямая спортивная злость: «Да в конце концов! Я окна на восьмом этаже помыла? Помыла! В бутик лохудрой зашла? Зашла! И перед этим Артуром не опозорюсь. Надену первое, что попадется, и пусть подавится своим Бродским!»

Элла зажмурилась, вытянула руку и вслепую выдернула из горы одежды классическое зеленое платье-футляр, которое до этого забраковала из-за «слишком легкомысленного оттенка хвои». Ровно в 18:45, застегивая на ходу замок и даже не посмотрев в зеркало на стрелки (что для её перфекционизма было сродни прыжку без парашюта), она вылетела из квартиры...

От Артура из профиля соцсети в реальности остался разве что костюм, который при ближайшем рассмотрении оказался лоснящимся полиэстеровым пиджаком, от которого отчаянно разило дешёвым мужским одеколоном с химозным морским запахом, удивительно похожим на туалетный освежитель "Океанский бриз". Но самое страшное началось, ко-

гда этот «топ-менеджер» открыл рот. «Искатель глубоких личностей» из сети в жизни оказался классическим диванным душнилой и искателем легкой наживы.

— Привет, крошка, — вместо цитаты из Кафки выдал Артур, по-хозяйски придвигая к себе меню. — О, салат заказала? Ну ладно, хотя там углеводы, конечно... Слушай, а я вот, знаешь, матрицу системы взломал. Работа на дядю — это для биороботов. Я сейчас на пороге великого открытия в области квантового распределения энергии, инвестирую в секретные криптостартапы. Кстати, а у тебя квартира своя или снимаешь? А машинка есть? А то мне до инвестора доехать надо, подбросишь потом?

Элла сидела, чувствуя, как у неё начинает дергаться тот самый глаз, который она три часа так тщательно красила перед зеркалом. Её «горе от ума» снова сыграло с ней злую шутку: она сама дорисовала в воображении образ гения, а перед ней сидел обычный бездельник-сказочник. Ей было безумно неловко, хотелось провалиться сквозь землю под сочувствующими взглядами официантов, но она стойко терпела этот бред, боясь прервать его из вежливости.

Фиаско достигло апогея, когда принесли счет. Артур внезапно схватился за карман, трагически посмотрел на Эллу и зашептал:

— Эллочка, представляешь, у меня прямо сейчас транзакция из Сингапура зависла на блокчейне! Там миллионы, но временно заблокированы. Оплатишь счет? Я тебе завтра на

карту закину. С процентами!

Она оплатила этот злосчастный счет и буквально выбежала из ресторана. Но дома, вместо того чтобы забиться под плед и оплакивать свою ошибку, Элла вдруг замерла посреди комнаты. В её умной голове произошел мощный сдвиг:

«Подождите... — подумала она. — Этот придурок только что опозорился на весь ресторан, нес абсолютную чушь, клянчил деньги у малознакомой девушки — и ему **ВООБЩЕ НЕ СТЫДНО!** Он ушел с высоко поднятой головой и живет себе в полное удовольствие! Так почему я — умная, приличная девушка — панически боюсь сделать лишний вздох на людях и сгораю от стыда из-за каждого косого взгляда?!»

Это фиаско подарило ей абсолютную свободу. Она поняла, что мир полон нелепых людей, которые ничего не боятся. Элла открыла телефон, посмотрела на сайт знакомств уже не со страхом, а с азартом исследователя и решила: свидания — это её новый полигон для вышибания клиньев. Она продолжит ходить на встречи, чтобы окончательно сжечь свой страх чужой оценки.

Глава 4.

Бунт в парикмахерском кресле.

Марафон по вышибанию клиньев требовал масштаба, и Элла решилась на отчаянный шаг — координально изменить имидж. Подруга Маринка с придыханием дала контак-

ты своего личного стилиста: «Эллочка, это Жан-Пьер! Он гуру, творец, мастер международного класса! Только ради бога, не вздумай с ним спорить или что-то просить, он сам видит твою истинную ауру и сделает из тебя звезду!».

Для закомплексованного перфекционизма Эллы слово «гуру» прозвучало как приговор. Её мозг тут же выстроил оборонительную стену: «Раз он гений, я должна молчать и доверять. Если я полезу со своими приземленными желаниями, все в салоне поймут, что у меня нет вкуса». К тому же ей было банально лень искать другого мастера — проще было плыть по течению.

Студия Жан-Пьера напоминала не парикмахерскую, а храм современного искусства: черные стены, приглушенный свет, концептуальный полумрак и зеркала в тяжелых рамах. Сам Жан-Пьер — мужчина в авангардном асимметричном кардигане и с лицом человека, познавшего все тайны вселенной, — окинул Эллу долгим, скорбным взглядом. Он обошел её кресло три раза, трогая кончики её волос двумя пальцами, словно это были сухие ветки.

— М-да, — трагически вздохнул гуру. — Форма полностью разрушена. Структура мертва. Но я вижу твою внутреннюю драму, дитя. Мы уберем этот серый быт. Я сделаю тебе концептуальный андрогинный пикси-боб с рваной ультракороткой челкой выше бровей. Это подчеркнет твой экзистенциальный кризис.

Элла похолодела. Челка выше бровей?! Рваный пик-

си-боб?! Внутри неё закричал перепуганный интроверт: "Нет! Я просто хотела подровнять кончики на два сантиметра! Я же буду похожа на подстреленного воробья!"»

Но вслух она не смогла выдать ни звука. Комплексы намертво заклинили челюсть, укутывая страх в привычную анестезию вежливости: «Не спорь, он же мастер, Маринка обидится, в конце концов, волосы не зубы — отрастут...».

Жан-Пьер взмахнул ножницами, как дирижерской палочкой. Пряди полетели на пол. Элла сидела, вцепившись пальцами в подлокотники кресла так, что побелели костяшки. В зеркале она с ужасом наблюдала, как её привычные, родные волосы безжалостно исчезают, а на лбу формируется нечто, напоминающее обглоданный козлом куст.

«Молчи, будь хорошей девочкой, не устраивай сцену, на тебя смотрят другие мастера», — панически транслировал перегруженный мозг.

И вдруг, когда Жан-Пьер уже потянулся за бритвой, чтобы «дошлифовать текстуру» этой катастрофы, в голове Эллы словно лопнул предохранитель. Ее вдруг осенило : Жан-Пьер — не бог. Он просто человек в странном кардигане, который прямо сейчас за её же деньги превращает её голову в кошмар, пользуясь её трусливой вежливостью!

«Да пошло оно всё! — взорвалась внутри неё спасительная ярость. — Это МОЯ голова! И МОИ волосы!».

— Стоп, — твердо сказала Элла.

Голос прозвучал неожиданно громко в тишине студии.

Рука Жан-Пьера замерла в воздухе. Медитативная музыка, казалось, стала тише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.